

**75 ЛЕТ
ОДНОМУ
ТЕКСТУ**

**THE BALLAD OF THE LONG-LEGGED BAIT
BY DYLAN THOMAS**

Written **1941**

ПЕРЕВОД СЕРГЕЯ ТАШЕВСКОГО

**ДИЛАН ТОМАС
БАЛЛАДА О ДЛИННОНОГОЙ НАЖИВКЕ**

Перевод **2016**

редакция **октябрь 2016**

The bows glided down, and the coast
Blackened with birds took a last look
At his thrashing hair and whale-blue eye;
The trodden town rang its cobbles for luck.

Then good-bye to the fishermanned
Boat with its anchor free and fast
As a bird hooking over the sea,
High and dry by the top of the mast,

Whispered the affectionate sand
And the bulwarks of the dazzled quay.
For my sake sail, and never look back,
Said the looking land.

Sails drank the wind, and white as milk
He sped into the drinking dark;
The sun shipwrecked west on a pearl
And the moon swam out of its hulk.

Funnels and masts went by in a whirl.
Good-bye to the man on the sea-legged deck
To the gold gut that sings on his reel
To the bait that stalked out of the sack,

Лодка ложится на воду, и берег на час
Чернеет телами птиц, собравшихся в путь,
Галдящих в кустарниках-волосах, глядящих в моря китовый глаз,
Покуда город кидает кости, тщась судьбу обмануть.

Вали же, рыбацкая лодка, с их паперти водяной –
Отваливай вся, от шва смоляного до мелкой щепки,
От якоря (как чайка флиртующего с волной)
До тонкой вершины мачты, сухой и цепкой.

Да, волны еще скрипят свои словеса вдали
Затонам причалов, слепой корме корабля:
Плывите к другой земле, оторвите глаз от земли –
Нам всем говорит земля,

И пьют паруса белый ветер, ветер как молоко
Льющий в густую, отпитую глубину,
Где солнце идет ко дну жемчужным глотком,
Вырывая из тьмы луну.

Мачты и дым пароходов уносит ветер морей.
Так прости-прощай, человек на неверной доске, пока
Золотые рыбы кишки дрожат на леске твоей,
И ползет тихонько наживка прочь из кулька.

For we saw him throw to the swift flood
A girl alive with his hooks through her lips;
All the fishes were rayed in blood,
Said the dwindling ships.

Good-bye to chimneys and funnels,
Old wives that spin in the smoke,
He was blind to the eyes of candles
In the praying windows of waves

But heard his bait buck in the wake
And tussle in a shoal of loves.
Now cast down your rod, for the whole
Of the sea is hilly with whales,

She longs among horses and angels,
The rainbow-fish bend in her joys,
Floated the lost cathedral
Chimes of the rocked buoys.

Where the anchor rode like a gull
Miles over the moonstruck boat
A squall of birds bellowed and fell,
A cloud blew the rain from its throat;

Ибо теперь мир обернут в призму воды, во всплеск,
За которым девушка бьется, крючок у нее в губе
(Все, что достанешь из моря, несет в крови этот блеск, –
Гудят-говорят корабли, растворяясь в морской судьбе).

Так прощайте, печи и трубы, прощай – дома,
Старухи-жены, прядущие в саже нить на покой!
Он ослеп от зрачков свечей, он сошел с ума
В молитвенных окнах, волнах пучины морской.

Твоя приманка – слышишь! – сама тебя подсечет:
Драка мальков на мелководье как тень отпрянет –
Упругим удилицем овладевает крючок,
Бездонное море, громады левиафанов.

Она грациозней ангелов, невиннее лошадей,
Радуга-рыба ласкает бедра ее амвона
Под благовест утонувших в пене морской церквей,
Бакенов-поплавков пушечного перезвона.

Где якорь выходит с мясом земли, как чайка из плоти вод,
Вырываясь всухую из поединка волны и лодки,
Где щемящий птичий крик кажет ветру испод,
И облако отдирает дождь от просохшей глотки,

He saw the storm smoke out to kill
With fuming bows and ram of ice,
Fire on starlight, rake Jesu's stream;
And nothing shone on the water's face

But the oil and bubble of the moon,
Plunging and piercing in his course
The lured fish under the foam
Witnessed with a kiss.

Whales in the wake like capes and Alps
Quaked the sick sea and snouted deep,
Deep the great bushed bait with raining lips
Slipped the fins of those humpbacked tons

And fled their love in a weaving dip.
Oh, Jericho was falling in their lungs!
She nipped and dived in the nick of love,
Spun on a spout like a long-legged ball

Till every beast blared down in a swerve
Till every turtle crushed from his shell
Till every bone in the rushing grave
Rose and crowed and fell!

Он видел дымящий вал, идущий на бордаж,
Айсберги в радужном дыме холодной смерти,
Звездный огонь под небесными веслами, Отче наш,
И - ни огонька на слепой океанской тверди.

Только пузырь луны всплывал в нефтяной глубине,
Освещая пучину по курсу всех вождений,
Где рыбины нежно миловались на дне -
Поцелуи по леске, озноб по вене.

Как горы, сходясь, все грубее брали ее киты
Илистой силой, водоворотом крепки.
Наживка, измотанная любовью воды
(Треплет губ ее трепет)

Неслась как челнок меж нитей, и падал звука манок
Иерихонских труб в левиафанов грудные клетки.
От страстных укусов вода превращалась в кровавый сок
Ей, длинноногой, на струях округлых этих,

Пока не насытился стоном любой кто ее любил,
Пока черепаший панцирь не лопнул со звуком спелым,
И мертвецов из глубин подводных могил
Не исторгло море как сперму.

Good luck to the hand on the rod,
There is thunder under its thumbs;
Gold gut is a lightning thread,
His fiery reel sings off its flames,

The whirled boat in the burn of his blood
Is crying from nets to knives,
Oh the shearwater birds and their boatsized brood
Oh the bulls of Biscay and their calves

Are making under the green, laid veil
The long-legged beautiful bait their wives.
Break the black news and paint on a sail
Huge weddings in the waves,

Over the wakeward-flashing spray
Over the gardens of the floor
Clash out the mounting dolphin's day,
My mast is a bell-spire,

Strike and smoothe, for my decks are drums,
Sing through the water-spoken prow
The octopus walking into her limbs
The polar eagle with his tread of snow.

Так удачи тебе, рука, подсекающая покой!
Грохочет бамбуковый ветер, борт к волне накренен,
И молнией леса уходит в бездну глотки морской,
Сжигая внутренности огнем,

Но дрожь обжигает спину, и лодку бросает в ад.
Плач тетивы об остром ноже отчаянный -
Это не чаячий крик, не скрип испуганных вант,
Это бискайских телят громовое мычание.

Сквозь пласт изумрудной бездны, волн убийственный крест
Длинноногой приманки путь к венчальному чину.
Так поднимай черный парус, благую весть
Для тех, кто на свадьбу призван тобой в пучину!

По отражениям бликов в брызгах морских – тень
Из подводных садов, из блаженного разложенья -
Движенье дельфинье: выпрыгивает твой день,
И мачту бьёт колокольное головокруженье,

Нежной схватки палуба ждет, барабанных ударов ног,
Лодка поет по воде, разрезая форштевнем негу,
Вплетает в эту песню щупальца осьминог,
И полярный орел несет ее в лапах, покрытых снегом.

From salt-lipped beak to the kick of the stern
Sing how the seal has kissed her dead!
The long, laid minute's bride drifts on
Old in her cruel bed.

Over the graveyard in the water
Mountains and galleries beneath
Nightingale and hyena
Rejoicing for that drifting death

Sing and howl through sand and anemone
Valley and sahara in a shell,
Oh all the wanting flesh his enemy
Thrown to the sea in the shell of a girl

Is old as water and plain as an eel;
Always good-bye to the long-legged bread
Scattered in the paths of his heels
For the salty birds fluttered and fed

And the tall grains foamed in their bills;
Always good-bye to the fires of the face,
For the crab-backed dead on the sea-bed rose
And scuttled over her eyes,

Но от соленого носа до лопасти кормовой
Воспеваешь поцелуй тюлений у мертвых губ ты:
Невеста мертва, ее приданное – тление и покой,
Жесткое ложе грунта.

А кладбище океана выше холмов и троп
Подводных, и тише земных погостов, где, ветру вторя,
Соловьи и шакалы, упустив дрейфующий гроб,
Поют проклятия мертвому мясу моря.

Так назло им пойте и войте - в песок, в цветы на могилах вдов,
В долинах, в пустынях, - сухие уста океанской бури,
Раковины морские! Дразните своих врагов
Голосом девочки, поглощенной морской лазурью.

Вечен голос ее как вода, на которой путь не отметить
Крошками хлеба, не вбить тропу по волне.
Прости-прощай! Птичьи клювы, соленый ветер, -
Глупо от них скрываться, они извне

Рвут эту хлебную плоть на паперти океана.
Так прости-прощай, блеск ее глаз и уголь бровей!
В пустых глазницах крабы поют мертвецам осанну.
Она не видит даже смерти своей.

The blind, clawed stare is cold as sleet.

The tempter under the eyelid
Who shows to the selves asleep
Mast-high moon-white women naked

Walking in wishes and lovely for shame
Is dumb and gone with his flame of brides.
Susannah's drowned in the bearded stream
And no-one stirs at Sheba's side

But the hungry kings of the tides;
Sin who had a woman's shape
Sleeps till Silence blows on a cloud
And all the lifted waters walk and leap.

Lucifer that bird's dropping
Out of the sides of the north
Has melted away and is lost
Is always lost in her vaulted breath,

Venus lies star-struck in her wound
And the sensual ruins make
Seasons over the liquid world,
White springs in the dark.

Взгляд пристальный и слепой, дождливый морок маячный
Во впадинах бывших глаз, но бельма их не видны.
Они искушают спящих, они напрягают мачты
Как бесстыдный парус в белесом свете луны -

Колыхание бедер, глухая исповедь танца,
Хоровод невестного пламени, страсти немой синклит,
Где нагая Сусанна в мечтах бородатых старцев
И царицы Савской нежности злой магнит -

Вожделенный всеми царями голодного царства;
Грех, заключенный в теле женщины, спит, пока
Тишина не дунет на тлевший фитиль соблазна -
И вздыбленные воды ударят по облакам.

Дьявол, птичий помет замешавший со снегом ночи,
Бросает его в топку запахов, и вода
Принимает смрад, растворяет в илистой горечи -
В ее волнистом дыханье растает все без следа,

И Венера гибнет в ране звездного отраженья,
В клоаке чувств, в долгом лете долгой зимы -
Это жидкий мир, сезонов и струй брожение,
Белая ростепель тьмы.

Always good-bye, cried the voices through the shell,
Good-bye always, for the flesh is cast
And the fisherman winds his reel
With no more desire than a ghost.

Always good luck, praised the finned in the feather
Bird after dark and the laughing fish
As the sails drank up the hail of thunder
And the long-tailed lightning lit his catch.

The boat swims into the six-year weather,
A wind throws a shadow and it freezes fast.
See what the gold gut drags from under
Mountains and galleries to the crest!

See what clings to hair and skull
As the boat skims on with drinking wings!
The statues of great rain stand still,
And the flakes fall like hills.

Sing and strike his heavy haul
Toppling up the boatside in a snow of light!
His decks are drenched with miracles.
Oh miracle of fishes! The long dead bite!

Так прощай навсегда, - звенит из раковин ветер, -
Прости прощай, плоть от плоти, колокол ни о ком,
И рыбак выбирает ослабшую леску, мерно
На катушку мотая виток ее за витком.

Так удачи тебе теперь, - да под чаячий клекот норда,
Под хохот рыбьих смертей свою давай не накличешь:
Пьют паруса черный ветер, ловят удары града,
И молния освещает в пучине его добычу.

Хрипит в шестибальном шторме телом древесным лодка,
Наотмашь ветер и тьма, боль ледяных оков,
Но ближе к поверхности золото жадной глотки,
Анфилада ребер и позвонков.

В пряди волос – посмотри! - в череп вцепилась леса.
Шквал, выпитый парусиной, скользит у ее глазниц.
Неподвижность немного дождя - пелена, завеса -
Пена в стоп-кадре моря опадает лавиной ниц.

Так бейте, волны, кидайте улов в навес,
Бросайте его через борт в фейерверке снежного света!
Пусть на палубе, пропитанной запахами чудес
Царь-рыба борется с долгим укусом смерти.

Out of the urn a size of a man
Out of the room the weight of his trouble
Out of the house that holds a town
In the continent of a fossil

One by one in dust and shawl,
Dry as echoes and insect-faced,
His fathers cling to the hand of the girl
And the dead hand leads the past,

Leads them as children and as air
On to the blindly tossing tops;
The centuries throw back their hair
And the old men sing from newborn lips:

Time is bearing another son.
Kill Time! She turns in her pain!
The oak is felled in the acorn
And the hawk in the egg kills the wren.

He who blew the great fire in
And died on a hiss of flames
Or walked the earth in the evening
Counting the denials of the grains

Человек, твой рост невысок, на дюймы короче гроба,
И проблемы твои не бог весть – с обжитую комнату, спальню
В каменном доме, следящем за теплой добычей в оба
В челюсти города, на континенте камня.

Один за другим наряжаются в саваны, в пыль ложатся
Сухие отзвуки жизни, прах червяков немых.
Отцы хотят за детей перед гибелью удержаться –
Мертвые руки тянут в прошлое этот мир;

Они приводят дыханье и воздух своей надежды
На край первородной пропасти, жрущей замороженных –
Тряхнуть над могилой веков шевелюрой снежной,
Спеть стариковскую песню губами новорожденных:

У времени новый сын – убейте время, пора!
Оно в родовой горячке напрасно проводит годы,
Ведь в каждом желуде – дуб, который ждет топора,
И птенец-крапивник в яйце от ястреба ждет исхода...

А Тот, кто пламя раздул и страницы огня листал,
Сгорая в жаре своей запредельной боли,
Кто шел по вечерней земле и зерна считал,
Самоубийственно всходами бившие поле,

Clings to her drifting hair, and climbs;
And he who taught their lips to sing
Weeps like the risen sun among
The liquid choirs of his tribes.

The rod bends low, divining land,
And through the sundered water crawls
A garden holding to her hand
With birds and animals

With men and women and waterfalls
Trees cool and dry in the whirlpool of ships
And stunned and still on the green, laid veil
Sand with legends in its virgin laps

And prophets loud on the burned dunes;
Insects and valleys hold her thighs hard,
Times and places grip her breast bone,
She is breaking with seasons and clouds;

Round her trailed wrist fresh water weaves,
with moving fish and rounded stones
Up and down the greater waves
A separate river breathes and runs;

Тому одна надежда – пряди волос морские.
И он, учивший землю песне про свет и тьму,
Плачет как восходящее солнце в седой пустыне,
Слыша, что только море подпевает ему.

Гнется снасти лоза, под водою почуяв земные звуки,
И волочет из пучины явь и морские сны –
Сады, наживку хватающие за руки,
С животными, с певчими птицами глубины,

Мужчинами, женщинами, водопадами и лесами,
С ветвями, которые бьются под киями днем и ночью,
Отпрянув и вновь сомкнувшись, с девственными песками,
Раскинутыми для молитв, легенд и пророчеств –

И голоса гремят над дюнами из глубин;
Берут наживку долины, то снег, то стрекозы кружат
Над ней, времена и пространства приникли к ее груди,
Она истерзана облаками, жарой и стужей,

Вокруг ее запястий струятся оковы рек
С мальками и валунами, окатанными стремниной –
По морским валам вверх и вниз стремительный бег
Земных пресноводных рек, дыханье воды невинной;

Strike and sing his catch of fields
For the surge is sown with barley,
The cattle graze on the covered foam,
The hills have footed the waves away,

With wild sea fillies and soaking bridles
With salty colts and gales in their limbs
All the horses of his haul of miracles
Gallop through the arched, green farms,

Trot and gallop with gulls upon them
And thunderbolts in their manes.
O Rome and Sodom To-morrow and London
The country tide is cobbled with towns

And steeples pierce the cloud on her shoulder
And the streets that the fisherman combed
When his long-legged flesh was a wind on fire
And his loin was a hunting flame

Coil from the thoroughfares of her hair
And terribly lead him home alive
Lead her prodigal home to his terror,
The furious ox-killing house of love.

Так пойте о славном улове пашен, лугов, полей,
Где ходят под ветром валы в океане сухом ячменном,
Пасутся стада среди слепых ковылей,
И небо над ними бушует молочной пеной,

Где скачки морских коньков берет гроза под уздцы –
Соленых жеребят с бурями на подковах –
И мчат над землей волшебные жеребцы
Сквозь туч филигранный полог, –

С галопом волн и чаячьим криком мчат они –
Молнии в гривах, меты небесных следов
Над Римом, Содомом, лондонскими брусчатками,
Где бьются волны народов у плотин городов,

Шпили, кресты, петухи жестяные сквозь тучи морское
Тело на клочья рвут, стонут в азарте камни,
Длинноногая страсть как ветер огню не дает покоя
Пламени в чреслах охотничьим придыханьем;

Струна из переулков и прядей волос ведет
Добычу – тебя самого! – добром и живьем за губы,
И дом твой получит кусок любви от ее щедрот,
Настигнет, пожрет, забудет.

Down, down, down, under the ground,
Under the floating villages,
Turns the moon-chained and water-wound
Metropolis of fishes,

There is nothing left of the sea but its sound,
Under the earth the loud sea walks,
In deathbeds of orchards the boat dies down
And the bait is drowned among hayricks,

Land, land, land, nothing remains
Of the pacing, famous sea but its speech,
And into its talkative seven tombs
The anchor dives through the floors of a church.

Good-bye, good luck, struck the sun and the moon,
To the fisherman lost on the land.
He stands alone in the door of his home,
With his long-legged heart in his hand.

Ниже, ниже, ниже, под камнем и дном земным,
Под дрейфующими деревнями, волнами, где-то
Там, где океан зажимает рану луны,
Столица рыбьего царства лучится светом,

Но только голос воды – вот весь рыбацкий успех твой
(Свист и шорох волны не заглушит теперь земля).
Лодка замирает над бархатным ложем смертным,
В морской траве забвенья спит наживка твоя.

Суша, суша, суша, ничего тебе кроме речи
Не принесешь морского, и только ее за ради
В пучину смыслов и слов, швартуя смерть человечью,
Падают якоря могил в церковной ограде.

Так прости-прощай, тьма и свет, луна и восход,
И ты, рыбак на земле, ботинки в рыбьей крови.
На пороге стоит одиноко он, будто чего-то ждет.
Длинноногое сердце в руке. Плюнь, наживи.

Дилан Томас (1914-1953) – английский поэт, которого часто называют «странным» и «проклятым», но многие считают его одним из величайших поэтов столетия, и, например, Боб Дилан взял псевдоним в его честь. «Балладу о длинноногой наживке» Томас написал в 26 лет, весной 1941 года, то есть три четверти века назад. Это его самое крупное поэтическое произведение, и в английской поэзии оно считается хрестоматийным, хотя до сих пор вызывает споры и разночтения.

«Я только что закончил мою балладу», – писал Томас своему другу и покровителю Джону Давенпорту. «К сожалению, она не успеет в майский номер "Horizon". В ней 220 строчек, огромное для меня это было усилие её написать, и это в самом деле баллада. Я надеюсь, что тебе понравится. Сейчас мне кажется, что это вообще лучшее, что я написал».

«Это стихотворение полно визуальных образов. Оно настолько визуально, что Томас нарисовал цветную картинку и пришил её к стене своей комнаты, – картинку, на которой изображена женщина, лежащая на дне моря. Новая Лорелея, открывающая ужасы разрушения тем, кто её коснётся», – писал в своих заметках о Дилане Томасе другой его друг, поэт Вернон Уоткинс.

«Баллада...» переводилась на русский язык дважды: есть перевод покойного Василия Бетаки, опубликованный в «избранном» Томаса, и относительно недавний перевод Павла Грушко, вошедший в полное собрание стихов 2015 года. Предлагаемый мною перевод не претендует на большую точность, он скорее ассоциативен, и его основная цель – создать симметричное «Балладе...» произведение на русском языке.

Существует звуковой трек, на котором сам Дилан Томас читает свой текст. Ссылки на запись (и, заодно, на видео с чтением перевода, представленного здесь) находятся на последней странице обложки.

Сергей Ташевский